
Поступили
в редакцию
в июле 2013 г.

КОММЕНТАРИИ К ЭССЕ Майкла Барбера, Кейтлин Доннелли, Саада Ризви

С. Р. Филонович
Накануне
схода
лавины:
что, где,
когда?

Писать о чужом эссе и легко, и трудно. С одной стороны, это жанр размышлений. Не случайно традиционный перевод названия знаменитого произведения М. Монтеня «Les Essais» — «Опыты». Эссе не предполагает тщательного исследования предмета и предельно логичного изложения, оно, скорее, определяет проблемное поле и направление размышлений. Следовательно, рассматривая чье-либо эссе, не следует быть слишком требовательным к логике и полноте аргументации, и это облегчает оценку текста. С другой стороны, хорошее эссе не может не вызывать личной реакции и, следовательно, порождает дискуссию с авторами. Вопрос состоит в том, в какой мере эта дискуссия должна быть жаркой. Поскольку эссе М. Барбера, К. Доннелли и С. Ризви представляется мне интересным и важным, я буду оценивать его всерьез и строго.

Прежде всего, почему это эссе важно? Оно является в некотором роде манифестом, призывающим обратить внимание на развивающийся глобальный кризис университетского образования. Наличие и развитие кризиса ощущают многие, авторы же данной работы взяли на себя труд суммировать сигналы, свидетельствующие о приближении «лавины», которая может разрушить университетскую систему. Помимо этого, они пытаются наметить некоторые направления модификации этой системы с целью адаптации ее к требованиям как современности, так и будущего. Такую попытку нельзя не приветствовать.

Однако подход авторов к анализу ситуации с университетами, с нашей точки зрения, страдает серьезными недостатками.

Уже само название работы свидетельствует о ее алармистской направленности. Университетское образование находится в кризисе. В доказательство этого тезиса приводятся аргументы и факты, с которыми трудно не согласиться. При этом анализ ситуации проводится в рамках парадигмы университетского образования прошлого века. Тем самым нарушается правило, которое когда-то сформулировал А. Эйнштейн: фундаментальная проблема не может быть решена в рамках той парадигмы, в которой была осмыслена. Нарушение этого правила приводит к логическим противоречиям. Проиллюстрируем этот тезис примером из рассматриваемого эссе.

Авторы справедливо указывают, что в XX в. произошла массовизация высшего образования, приводят убедительные статистические данные, показывающие, как проявляется этот эффект. Одновременно они отмечают, что безработица среди выпускников университетов выше, чем среди молодежи, не получившей высшего образования. На мой взгляд, это свидетельствует о *перепроизводстве* людей с высшим образованием. Проблема? Конечно. Как ее решать? Авторы предлагают снижать стоимость высшего образования и повышать его доступность. Довольно странный способ борьбы с перепроизводством.

Этот парадокс возникает вследствие того, что авторы сохраняют убеждение, что прирост доли людей с высшим образованием есть абсолютное благо для общества. В XIX и начале XX в. так оно и было, поскольку университетское образование получала малая часть населения. Но сейчас, по крайней мере в развитых странах, ситуация изменилась. Общее повышение образовательного уровня во многих странах породило серьезные социальные проблемы, в частности проблему гастарбайтеров, выполняющих необходимую неквалифицированную работу. Об этом в эссе не говорится ни слова.

Напротив, пропагандируя дальнейшую массовизацию высшего образования, авторы пишут о том, что каждый студент должен стать предпринимателем, по крайней мере в отношении своего обучения. Идея, конечно, красивая. Но известны ли авторам исследования социальных психологов, которые свидетельствуют о том, что к предпринимательской деятельности склонны менее 15% людей?

Таким образом, одна из главных предпосылок рассуждений, приводимых в эссе, по крайней мере сомнительна. Представляется, что более реалистично было бы исходить из посылки, что в наши дни высшее образование во многом выполняет ту роль, которую до середины XX в. играло среднее образование (оно тогда было далеко не всеобщим). Этот тезис может показаться хулиганским. Но ведь хорошее среднее образование всегда давало людям возможность не только выбирать интересующую их профессию, но и менять ее в случае необходимости. А переход к обществу знания, о котором справедливо пишут авторы эссе, предполагает, что в будущем людям все чаще и чаще придется менять профессию или сферу деятельности. Не отсюда ли происходит тенденция к снижению степени специализации бакалаврских программ?

Здесь нельзя не сказать о довольно распространенном сегодня способе «аргументации» необходимости изменений в различных областях деятельности, характерном и для рассматриваемого эссе. Приводится произвольный набор любопытных, но не связанных друг с другом примеров, которые призваны вызвать удивление читателя, каковое и должно стать основой веры в необходимость изменений. Так, в эссе, в разделе «Мировая экономика меняется», приводится пример создания «электронных кошельков» как символа технического прогресса. Но что это означает для образо-

вания? Только то, что нужно небольшое число классных разработчиков продукта, чтобы подавляющее большинство пользователей этого продукта освободились от необходимости следить за своими финансами. Иными словами, такие интеллектуальные продукты снижают потребность людей в образовании в определенной сфере. То же самое можно сказать и о примере такси без водителя, приводимом авторами. Оказывается, что образование образованию рознь. Поэтому декларация о том, что «с каждым годом повышается спрос на хорошо образованных, уверенных в себе, творческих людей, умеющих работать в команде, готовых нести личную ответственность и выкладываться на все сто» воспринимается мной довольно скептически.

Поясню свой скепсис. Человек как биологический вид эволюционирует очень медленно. Социальные и технологические изменения происходят все быстрее. Последние действительно повышают спрос на людей, обладающих высокоразвитым интеллектом, понимаемым в традиционном смысле, и социальным интеллектом. (Именно так можно переформулировать приведенный выше тезис авторов.) Но становится ли больше людей, способных развить свой интеллект до уровня, позволяющего им быть лидерами дальнейшего прогресса? У меня есть серьезные сомнения в том, что скорость роста потребностей в таких людях соответствует скорости прогресса человека как вида.

Авторы эссе вроде бы учитывают это обстоятельство, предлагая классификацию университетов: элитные, общедоступные, нишевые, местные. Рекомендации, которые они дают руководителям университетов разных типов, не выходят за пределы здравого смысла. Но давайте посмотрим на основу этой классификации. К элитным университетам авторы относят «узкий круг элитных университетов с брендами, узнаваемыми повсюду, крупными фондами, множеством знаменитых выпускников, исключительной историей, насчитывающей не одно столетие». Что странного в этом определении? На первый взгляд ничего. Но из него следует, что, чтобы стать элитным университетом, нужны сотни лет. Элитность связывается в основном с узнаваемостью бренда. С моей точки зрения, это определение ущербно. Тем более что ранее в эссе авторы обращали внимание на то, что в элите современного бизнеса присутствуют компании, существующие менее 20 лет, и это было аргументом в пользу того, что традиционные университеты находятся под угрозой.

Элитность университета, на мой взгляд, должна определяться тем, *кого* и *чему* в нем учат. Если отбор в университет нацелен на привлечение самых способных абитуриентов, то вуз достоин звания элитного. Что же касается того, чему учат в университете, здесь следует внести ясность. В эссе постоянно путаются несколько целей образования: формирование личности, освоение знаний, развитие способностей к творчеству (генерации новых знаний)

и формирование навыков. Многие примеры, приводимые авторами в позитивном контексте, относятся к развитию навыков, что, по моему мнению, не является главной функцией университета, а, скорее, представляет собой основную задачу тренинговой компании.

Если несколько переформулировать описание «идеального» выпускника университета будущего, данного авторами, то можно утверждать, что его главной компетенцией должны стать способность и мотивация к генерации нового знания. Это знание может порождаться либо индивидуально, либо в команде. Данная компетенция универсальна, и человек, ею обладающий, может менять область деятельности, не снижая результативности. Эффективное развитие именно этой компетенции должно стать признаком элитного университета. Очень немногие университеты в наши дни реально, а не декларативно ее формируют. При этом многие полагают, что она важна лишь для исследователей, работающих в фундаментальных областях науки. Это глубокое заблуждение. Порождение нового знания во всех областях человеческой деятельности есть основа прогресса общества. Несколько идей, относящихся к сфере бизнеса, преобразовали мир не менее существенно, чем открытия в естествознании.

Все это означает, что университеты, относящиеся к группе элитных, должны пересмотреть смысл образования. Авторы эссе для этого предлагают университетам устанавливать более тесные связи с компаниями и организациями, ведущими практическую деятельность, прежде всего для того, чтобы понимать, какие специалисты нужны практике. Я вовсе не противник связей с практикой, но надежду на то, что практики подскажут, как формировать учебный план, считаю абсурдной. Практика неизбежно ориентирована на сиюминутные нужды организаций, а университетское образование закладывает основы карьеры человека с горизонтом 40–50 лет. Избыточная прагматизация университетского образования может облегчить выпускнику первоначальное трудоустройство, но затруднить или ограничить дальнейшее развитие карьеры.

Авторы эссе формулируют «задания» разным группам заинтересованных лиц (стейкхолдеров), связанных с университетами. К значительной части этих рекомендаций стоит прислушаться. Однако общая надежда авторов на то, что «все участники системы, от учащихся до правительств, подхватят инициативу и будут действовать целеустремленно», звучит по меньшей мере наивно. У разных участников системы разные цели, и поэтому каждый из них будет вкладывать свой смысл в термин «целеустремленность». Речь должна идти о гармонизации интересов стейкхолдеров. И здесь абсолютно правильной представляется мысль авторов о том, что университеты должны глубже интегрироваться в локальные и глобальные кластеры (хотя они и не используют терминологию М. Портера). Вопрос состоит в том, как системно описать ту роль, которую должны играть в этих кластерах университеты. Наиболее адекватным

описанием этой роли, как нам представляется, будет следующее: университеты должны стать центрами по управлению знаниями в широком смысле этого понятия. Авторы эссе не пользуются понятием «управление знаниями», а оно позволяет свести воедино множество полезных примеров, касающихся опыта взаимодействия современных университетов с окружающей средой. Проведенные исследования в области управления знаниями могут многое дать для осмысления новых задач университетов.

Таким образом, эссе М. Барбера, К. Доннелли и С. Ризви является очень полезным стимулом для размышлений о будущем университетского образования. Авторы вовсе не кокетничают, когда говорят об «импрессионистическом» характере своей работы. Представленная картина будит мысль, заставляет пристальней вглядываться в детали, фиксировать слабые сигналы, которые могут оказаться предвестниками фундаментальных сдвигов в университетском образовании. И в этом состоит ценность данной работы. Лавина действительно сойдет, но что станет главной причиной ее возникновения, где она проявится наиболее отчетливо и когда это произойдет, мы не знаем. Размышления над этими вопросами неизбежны для всех, кого волнует судьба университетов.

Л. Л. Любимов Учебное пособие по образо- ванию для политиков

Эссе сэра М. Барбера, К. Донелли и С. Ризви «Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая катастрофа», безусловно, будет полезно нашему читателю. Хотя все содержащиеся в нем дескрипции изменений в западном (теперь и в восточном) университетском сообществе проанализированы в огромном числе западных монографий и журнальных статей, эссе содержит и немало нового. Прежде всего это апокалиптический прогноз судьбы Мирового университета, которому грозит лавина. В этом авторском прогнозе лавина — это пока неясные по возможным результатам ответы на вызовы, возникшие в последние десятилетия в бытии гумбольдтовского Мирового университета.

Что это за вызовы?

Во-первых, это массовизация высшего образования, дошедшая на Западе до 70–80%, а у нас в России — до 80–85% когорт молодежи в возрасте 17–23 лет.

Во-вторых, это почти всеобъемлющая маркетизация продуктов высшего образования (от патента и учебного места до профессорской е-лекции).

В-третьих, это требование общества, познавшего политические и иные плоды всеобщей транспарентности и отчетности, вскрыть ворота «башен из слоновой кости» и заставить университеты предъявить все продукты деятельности, включая финансовые потоки.

В-четвертых, это требования регионов и городов, где расположены университеты, чтобы они вносили свой вклад в развитие их экономики, социального и человеческого капитала.

В-пятых, у Мирового университета появились конкуренты как на рынке научных продуктов, так и на рынке образовательных услуг.

В-шестых, функционально университет «расчленяется» (наука обособляется, как и дневное обучение, ДПО, иные образовательные формы, социетальные деятельности, менеджмент и т. д.).

Все эти отмеченные в эссе вызовы действительно изменили многое, и в первую очередь отношения между акторами Мирового университета, тем более что типов акторов стало больше.

Речь идет об отношениях между государством, властями регионов и городов, бизнесом, спонсорами с одной стороны и университетом — с другой. Но речь идет также и об отношениях внутри университета: между Академией (гильдия профессоров), администрацией, студентами и новым актором — профессиональными менеджерами, многочисленно разместившимися в управленческих ячейках всех деятельности университета, от научной до жилищно-коммунальной и досуговой.

Все это тем относительно немногим российским профессионалам, которые занимаются проблемами высшего образования, хорошо известно. Так что в этом плане эссе будет интересно куда более широкому читателю. Профессионалу же в эссе важны многочисленные отсылки авторов на не менее многочисленные инновационные практики, возникающие в последние годы на рынках, столетиями монополизированных традиционными университетами. Это удобный и полезный стиль отсылок с прогнозными намеками, толкающий к размышлениям об ответах на вызовы. Такой смыслогенерирующий стиль весьма эффективен, например, в философско-футурологических работах Э. Тоффлера или Ф. Фукуямы.

Но еще интереснее было бы использовать эссе как зеркало для нашего высшего образования, встав перед которым, оно увидело бы в отражении признаки грозящей нам лавины. Возможно, среди них будут и те, которые не отмечены в эссе.

Итак, начнем с события массовизации. В Мировом университете у нее есть немало социоэкономических и даже политических оснований. 12-летняя школа (K-12 в англосаксонских странах), состоящая из 120 месяцев, готовит к университету в среднем серьезно лучше нашей 99-месячной (11 лет по 9 месяцев — получается 99), в том числе и из-за продолжающейся смены на Западе парадигмы общего образования. То есть «там» все и больше, и лучше. В развитой части Мирового университета (страны ОЭСР) доля среднего класса кратно больше (до 70%), чем в России. Культура населения этих стран (теперь и стран Востока) не растеряла черт ответственности, трудовой дисциплины, правопослушания, усердности и т. д. Семейные «эндаументы» здесь высоки, доходы намного выше, чем в России, и позволяют семьям выбирать университет и программу. Профессионализм населения тоже намного выше, и его дальней-

О массовизации

шее повышение действительно требует увеличения числа лет образования за пределы двенадцати, т. е. включая разные формы высшего образования.

Иная ситуация в России. Руководствуясь ложными социопричинами (государство считало разумным «поддержать» молодежь в вузе, если она окажется безработной; родители хотели уберечь сыновей от армии и т. д.), мы в 1990-е годы превратили число бюджетных мест в вузах в огромный «пузырь»: на них можно было принять более 50% выпускников школ. К этому добавились миллионы дешевых коммерческих мест в тысячах открывшихся филиалов вузов.

И молодежь начала «косить» не только от армии, но и от трудоемких сегментов рынка труда (промышленность, сельское хозяйство, транспорт, строительство), а зачастую и просто от труда, особенно в поселковых и сельских местностях. Она легко унаследовала установки значительной части советской рабочей силы: «где бы ни работать, лишь бы не работать» или «вы делаете вид, что нам платите, а мы делаем вид, что работаем». Миллионы молодых ринулись охотиться на легкие дипломы, открывающие путь в торговый, сервисный и офисный «планктоны»; подготовка к такого рода деятельности серьезных интеллектуальных усилий не требовала.

А что же наши вузы? Они открыли тысячи филиалов, сотни факультетов экономики, менеджмента, психологии, права, социологии и всего того, чего в СССР просто не было (не было в том контексте, который мощно присутствует в Мировом университете). Началась массовая имитация высшего образования на этих полях. Уход государства из высшего образования в 1990-е годы вытолкнул из учебных заведений в бизнес и за рубеж лучших. Уровень нашей Академии резко упал, доля имитаторов в ней зашкалила.

Опомнились только сейчас, вдруг обнаружив сотни «неэффективных» вузов и неслыханную коррупцию в ВАКе. Но за 20 лет Академия переродилась настолько, что меры по спасению отечественного университета встретили яростный (почти классовый) отпор значительной части самого университетского сообщества, к которому присоединились депутаты всех мастей и властные администраторы, успевшие прикупить дипломы или скачать чужие диссертации.

Таким образом, для Мирового университета массовизация была вызовом. И он принял этот вызов, создав тысячи новых университетов с программами третичного образования, десятки новых форм с доминантой компетентностного, а не знание-научного обучения. Но при этом гумбольдтовский университет сохранился, сохранилась и Академия с ее механизмами качественного воспроизводства профессуры.

Для нас же массовизация стала орудием разрушения университетского этоса, превращения высшего образования в его имита-

цию, в высокодоходные бизнес-проекты ректорского корпуса. И теперь наш университет имеет самый опасный вызов (зло) не извне, а внутри самого себя.

Теперь о маркетизации. Начиная с 1992 г. основными рыночными «продуктами» нашего университета стали коммерческие (а в небольшой степени и бюджетные) места для студентов и сдача в аренду площадей. Этому сильно помогло государство, которое, сведя в 1990-е годы финансирование вузов к чему-то символическому, бросило им подачку — освобождение от налогов на доходы от их коммерческой деятельности. Собственно интеллектуальные продукты производились в минимальных количествах в небольшом числе вузов. А в основном это были не продукты НИР, а образовательные продукты (ДПО, бизнес-школы и т. д.), в том числе аренда учебных зданий и общежитий. Так что маркетизацию «по-западному» нам еще только предстоит создать. Как вызов? Или..?

О маркетизации

Внедрение механизмов прозрачности в высшем образовании стран ОЭСР проходило не без конфликтов. Но правовая культура Запада справилась с этим. В России первый же «институт прозрачности» вызвал бурю гнева и в обществе, и в образовательном сообществе. Это был институт ЕГЭ. Ни общество, ни его часть — школа — к независимой оценке самих себя готовы не были. Не готовы они к ней и сегодня. Школу фактически принудили к ЕГЭ. Но «пел Клааса» все еще громко стучит...

О прозрачности

Публикация списка «неэффективных» вузов тут же вызвала призыв к «джихаду» против Минобрнауки и его руководителей. Призыв был усилен событиями в ВАКе. Спасла (но не разрядила) ситуацию твердая позиция президента. Сегодня стало особенно ясно, что ЕГЭ, вузовская «неэффективность», новые образовательные стандарты, ВАК, реформа РАН, ВАСХНИЛ и РАМН — все эти идеи принадлежат президенту или находятся под его защитой. И это означает, что риторика заканчивается. Но пока не означает, что маятник от ухудшения ситуации качнулся в обратную сторону. Методы лечения только ищутся, да и диагноз не поставлен окончательно, он может стать значительно хуже. Что если некоторые болезни пока вообще incurable? Хотя ряд серьезных мер уже принят (ФГОСы, новый закон «Об образовании», законопроект об академиях).

На Западе идея прозрачности — норма, но западную Академию она «ужалила» впервые. У нас эта идея все еще не приемлет обществом, причем повсеместно (что приводит к огромной «тени» в экономике, к коррупции с ЕГЭ, к доминированию липовых, т. е. непрозрачных, отчетов школ и вузов о своей деятельности, к чудовищной имитации научности диссертационных работ в ВАКе и т. д.).

Словом, идея транспарентности — это вызов не только нашему университету (и школе тоже), но и обществу в целом. Поэтому успешно ответить на этот вызов здоровая часть общества и образовательного сообщества без решающей роли президента не сможет в принципе. Но постоянная прописка этой идеи в обществе должна начаться именно в образовательной системе. Новые поколения нужно и можно вырастить с иммунитетом от утаивания трудовых и иных грехопадений. А взрослые поколения когда-нибудь уйдут, скорее всего, и недолеченными, и нераскаявшимися.

О работе университетов на свои города и регионы

Такая деятельность университетов, безусловно, была значительной в советский период. После 1991 г. она фактически прервалась: вузы, административно всегда подчинявшиеся столице, сохранили эту подчиненность — она даже усилилась, а не менее жесткая в прошлом их подчиненность региону, осуществлявшаяся через строгий партийный надзор, исчезла вместе с партией.

Вместе с тем после 1991 г. вузы в России впервые получили значительную автономию, включая налоговый иммунитет на внебюджетные доходы. И истолковали ее как вседозволенность. Реально возник институт ректорского корпуса, который регулярно и успешно выступал против большинства назревших в образовании реформ. Но «отвязанность» от регионов создала нарастающий *mismatching* между потребностями регионов в специалистах и выпуском университетов. Необходимые регионам вузовские инженерные школы разрушались, ослаблялись медицинские, аграрные, строительные, транспортные и другие школы, заменяясь полуводьем имитационного образования для экономистов, менеджеров, психологов, юристов и т. д.

Сегодня надо начинать все восстанавливать, зачастую сначала. Без субъектной политической роли региона в формировании выпуска (а соответственно и научно-учебных школ) «своих» вузов этого не сделать. Регионам нужно вернуть их вузы, нужно передать университеты под юрисдикцию регионов вместе с ресурсами.

О конкурентах университета

В России конкурентов у университета почти нет, даже в сфере корпоративного образования. Нет генераторов тех форм, которые описаны в эссе М. Барбера и его коллег. Нет и спонсоров. Конкурентов нет, ибо они не нужны работодателям. Часть из работодателей до этого не доросли, их устраивают недоученные, но с дипломами (с «корочками»). Часть потеряли доверие к нашему университету и наладили аутсорсинг за рубежом. А «Сколково» — не конкурент, но лишь приглашение к аналогичной деятельности, приглашение для фирм и регионов. Примут ли? Пока же российский университет не получает вызова от внутренних конкурентов. Но вот внешние уже давно и успешно с ним конкурируют. Ежегодно в Мировой университет уезжает львиная доля тех, кто у нас стал бы красnodипломником. Пока и нашему бизнесу, и нашему обществу хорошо образованные выпускники университетов не очень нужны.

Да, кое-где (очень редко) рядом с Академией в наших университетах возникают иные, кроме научной и учебной, деятельности. Хотя большинство наших даже «эффективных» вузов — всего лишь образовательные оболочки. Призывы российских властей построить вокруг вузов «оливковые пояса» фирм, питающихся вузовскими научными продуктами и кадрами, почти не дают результатов. Нет генераторов продуктов. А того, что возникает, еле-еле хватает на то, чтобы пригласить раз в месяц одного из высших российских руководителей на десятиминутную экскурсию (заодно с десятком «стволов» ТВ) и показать стране, что вот, дескать, и мы не лыком шиты. Так что «расчленение» и дифференциация деятельности нашим университетам пока как вызов не грозит. Скорее, это мечтательная перспектива.

О функциональном «расчленении» российских университетов

М. Барбер и его коллеги неоднократно обращаются к роли государства. Делается это не только потому, что образование как часть социальной сферы — это пространство в первую очередь государственной политики и деятельности. Мировому университету действительно нужно жить в процессе постоянных изменений. А образовательное сообщество консервативно и традиционно всегда и везде. Поэтому именно государство обречено на роль мотиватора и драйвера инноваций. Однако, когда инновации начинают приживаться, это сообщество включает энергию собственных мотивов.

О роли государства

В России дела обстоят существенно иначе. К консерватизму сообщества добавляется более мощная сила — архаичное сознание значительной части общества в целом. Пример ЕГЭ весьма показателен. Стоит очередному политику-демагогу оказаться возле единственно признаваемой этой архаичной массой фигуры власти и сообщить ей, что вот, дескать, «отняли копеечку (сохранили ЕГЭ), велика их...», как соцопросы фиксируют бурный всплеск поддержки обществом этой мольбы.

Событие назначения «неэффективных» вузов вызвало ту же реакцию. Архаичная масса, озабоченная не столько качеством вузов, т. е. знаний своих же детей, сколько приобретением дипломов, увидела в указанном событии угрозу именно этой цели. Отсюда и решение властей: присоединить липовый вуз к нормальному и неявно поручить последнему раздачу дипломов завершить благополучно, не разочаровывая студентов «неэффективных» вузов. Между тем в эти «неэффективные» поступают в основном те, кто достаточно осведомлен о том, что получение диплома в них будет легкой и приятной прогулкой.

Так что событие «неэффективности» стало возможным при двух условиях: 1) раздача дипломов от «неэффективных» должна быть благополучно завершена, причем уже от имени вуза «эффективного»; 2) ответственный за это событие (министр) находится под защитой власти и продолжает реформы (ведь следующими оказались ВАК, РАН, ВАСХНИЛ и т. д.).

Огромный профессиональный опыт М. Барбера и его коллег подказал им, что лавины нельзя избежать лишь за счет усилий самого Мирового университета. Думается, что это наиболее ответственная мысль эссе. Политическая экономия глобальных и цивилизационных процессов — пространство неизвестности, неопределенности будущего. Понятно лишь то, что изменения уже не идут, а мчатся, все больше опережая их осмысление и, следовательно, готовность эффективно адаптироваться к ним. Поэтому эссе выдвигает главное условие успешного предотвращения лавины: солидарные действия государства (государств), общества (обществ), всех акторов Мирового университета.

Это условие действительно и для России. Но как его обеспечить? Солидарные действия возможны там, где существует базовый консенсус или хотя бы осознание его необходимости. В России до этого далеко. Но в мечте такой консенсус есть. А путь к нему — создание образовательной системы, способной изменить общество, т. е. все население, вводя в него иначе воспитанные и образованные поколения.

О роли школы в судьбе университетов

М. Барбер и его коллеги не затрагивали вопрос о роли школы в судьбе университетов. Потому что этот вопрос «там» уже решен. Более 40 лет назад в странах ОЭСР, а затем в Японии, Южной Корее, Китае и т. д. пришло осознание надвигающихся изменений, которые влекут за собой необходимость менять школу, и менять радикально. Ведь через нее проходит все население, которое тоже нужно было изменять. Сама школа не могла бы найти своей новой парадигмы. За это взялись университеты. Они создали новую науку — образование, фундаментальными основами которой были сначала философия, психология и социология образования, а затем экономическая теория образования и ИТ в образовании.

И хотя в багаже западной науки было много имен и работ, близких к этой проблематике (Ж. Пиаже, Дж. Дьюи, Э. Толмен, Ф. Бартлетт, В. Джемс, Э. Клапаред, Г. Мюнстерберг, Э. Торндайк, Ч. Шеррингтон и др.), она во многом обратилась к русской многодисциплинарной школе, к ученым, сочетавшим глубочайшие знания и философии, и психологии, и социологии. Речь идет об отечественной школе деятельностной психологии, созданной усилиями философов, психологов и социологов — Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, Л. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, В. С. Библера, А. В. Запорожца, В. А. Вагнера, Н. А. Бернштейна, В. В. Давыдова, П. Я. Гальперина, Д. Б. Эльконина, В. П. Зинченко, В. В. Рубцова и др. Их труды были во второй половине минувшего века переведены на Западе. В сотнях ведущих университетов были созданы институты образования, двинувшие эту науку вперед. Университеты стали интеллектуальными драйверами школ, внедрив в них деятельностную парадигму и тем самым создав самим себе устойчивую базу новой по качеству абитуры. Идеи Л. С. Выготского и других отечест-

венных ученых прочно вошли в школьное образование, выдвинув на первые места в мире Финляндию и Канаду, Швецию и Англию, Голландию и Норвегию, а затем Южную Корею, Австралию, теперь уже и Китай.

Мы до сих пор не осознали, что за многочисленные грехи наших вузов огромную ответственность несет и наша школа. Она поставляет в вузы выпускников, большинство которых способны скорее зазубривать, запоминать (и потом забывать) информацию, а не усваивать, наделять собственными смыслами. Получаемая ими в школе информация не превращается в устойчивое знание. А слабость понятийного мышления даже усвоенному знанию не дает превратиться в компетенцию.

Наше образовательное сообщество и общество в целом встретили в штыки и новый школьный ФГОС, особенно его старшую ступень. А ведь это ФГОС именно деятельности школы, ФГОС «имени Л. С. Выготского». Удастся ли реально внедрить его в российские школы?

М. Барбер и его коллеги предложили классификацию моделей университета, заменив единую модель В. Гумбольдта пятью моделями, точнее, добавив к его модели еще четыре. Эти четыре — то, что создано «там» в последние десятилетия. Думается, что России надо идти именно этим путем. Но начинать нужно с восстановления гумбольдтовского, т. е. элитного классического, — так, чтобы через икс лет наши университеты хотя бы в количестве пяти смогли бы войти в первую сотню Мирового университета (а она и состоит из элитных классических). Мы ведь до сих пор даже не осознали, что вопреки мировой тенденции дифференциации университетов (на выделенные в эссе элитные, массовые, нишевые, местные и университеты непрерывного образования) мы более 20 лет пытаемся превращать все наши вузы в универсальную традиционную, но квазиклассическую модель. Но это не превращает их в элитные — скорее, в имитацию классических.

В советское время у нас как раз была построена частично дифференцированная система: массовые классические и технические университеты, несколько топовых классических и технических, множество нишевых — медицинских, авиационных, строительных, автомобильных, железнодорожных, аграрных, водного транспорта, радиотехнических, лингвистических, МГИМО и т. д., а также локальных. Последние 20 лет они дружно строили всю линейку классических социально-экономических и гуманитарных факультетов, сохраняя свои, original (но со снижающимся качеством) и тем самым ужесточая конкуренцию для самих себя, лишая российскую экономику «нишевых» специалистов, которых раньше готовили вполне удовлетворительно. За 20 лет «универсализации» большинство вузов потеряли «нишевое» качество.

О модели университета

О чем хотелось бы поспорить с авторами эссе

По ряду проблем, поднятых в эссе, хотелось бы поспорить. Авторы уверены в том, что «конкурентам университетов» нужно дать право выдавать дипломы и присуждать ученые степени. Университет — величайшее достижение христианской цивилизации, светский храм, построенный рядом с Его храмом. Здесь творят Истину, распространяют ее и судят за ее предательство. Академия — уникальная гильдия мудрецов. Именно они определяют в мире планки интеллектуализма, ценностных достижений, порядочности, критически оценивают власть — интеллектуально, а не эмоционально. Рыночные конкуренты Академии, какими бы они ни были, — это рынок, для которого «перейти черту», совершить то, что в экономтеории называется *market failure* (провал рынка), — норма. Пустить этого *failure maker* в храм по крайней мере рискованно. Посвящение в сан — дело храма, а не рынка.

Постоянное акцентирование авторами значимости онлайн-технологий, значимости, якобы грозящей перерасти в доминирование, противоречит главному смыслу изменений в образовании (школьном и вузовском): от передачи, трансляции информации перейти через человеческие (контактные) технологии *learning* к формированию компетенций. Ведь знаниевый работник — это носитель эффективных компетентностей. Онлайн-трансляция компетенций не создает, ибо она бытует вне диалога, вне взаимной рефлексии, контролирующей результат усвоения и способности применения.

В качестве одного из критических для судеб любой страны авторы ставят вопрос: как в условиях глобализации изменений в мировой экономике и т. д. готовить меритократию? На этот вопрос есть давний ответ, который никем не оспаривался: массовая меритократия всегда готовилась в недрах либерального образования и именно в элитных университетах, а не на прикладных (vocational, т. е. для конкретного узкопрофильного рабочего места) программах.

Утверждение авторов об устойчивой тенденции к сокращению государственного финансирования университетов вряд ли соответствует действительности. Просто расширяется негосударственное финансирование, в том числе во многом за счет самих студентов. Высшее образование — это не общественное благо, а экономическая, социальная и культурная необходимость производить меритократию. Идея равенства (возможностей) не имеет отношения к высшему образованию. В нем действует право отбора, основанное на идее ограниченности ресурсов. А в последние 40–50 лет университет неявно получил обязанность обучать «недопредставленные» когорты студентов. Но для этого обучения требуются средства, которых нет у государства и, следовательно, у университетов. Государству подобает оплачивать подготовку меритократии, а не «недопредставленной» массы, для огромной части которой цель — диплом, а не обучение, о чем и пишут сами авторы. Эта цель вполне объяснима: постоянно усложняющееся и расширяющееся универ-

ситетское знание реально усваивают отнюдь не 70% молодежи — скорее, не более 15–20%. Все социальные потребности никакая, даже самая богатая, экономика не удовлетворит, ибо их рост безграничен (эта мысль у авторов тоже присутствует), а ресурсы ограничены всегда.

Проблему снижения зарплат бакалавров авторы подают в алармистском ключе. Но ведь ее причина — слишком большое (и растущее) предложение бакалаврских услуг. Снижение зарплат бакалавров — результат не оправдывающегося риска все большего, излишнего производства бакалаврских дипломов.

Авторы отмечают постоянное дробление дисциплин на субдисциплины, верно указывая на очевидную актуальность их синтеза. Увы, холистический тип мышления никогда не доминировал на Западе (в христианском мире). Милости просим в Китай!

Авторы убеждены в непобедимости «старичков» в мировых рейтингах университетов, и это их огорчает. Что делать? Так было и будет. Мировой университет — это храм, и места святых в нем ограничены, хотя не исключаются редкие (и очень заслуженные) прибавления. По этой же причине включение в рейтинги университетов их конкурентов — предложение, граничащее со святотатством.

Важное наблюдение авторов эссе относительно того, что темп роста университетской бюрократии превышает темп роста числа студентов, предельно актуально. Это действительно проблема, причем универсальная. Она — часть общей проблемы: вновь начавшегося движения государства к позициям Левиафана (в России в еще большей мере, чем где-либо).

В целом же эссе — продукт поучительный как для широкого читателя, так и особенно для многочисленных политиков, чьи знания об образовании зачастую находятся на одном уровне со знаниями о футболе. Образование в глобальном мире — это уже не только отрасль, а серьезная наука. И господам в Госдуме, Совете Федерации, в региональных министерствах пора об этом узнать. Хотя бы из эссе М. Барбера и его коллег. Тем более что его краткость экономит время читателя, а богатство контента не уступает рекордным по краткости рассказам-новеллам А. П. Чехова.

Если вам нравится легкое околонучное чтение, эссе Майкла Барбера и его молодых коллег — для вас! Вам в легкой и приятной манере расскажут о том, что мир в ближайшем будущем ждут большие перемены и университеты, даже самые успешные, не смогут остаться в стороне.

Если вам кажется, что все спокойно, вы ошибаетесь. Еще сияет солнце, на склонах гор искрится снег, все монолитно, но лавина уже набирает силу. И лучше бы к ней подготовиться, а то неровен час... Правда, перед сходом лавины слышен нарастающий шум, и вообще всегда бывают предвестники, но надо хотеть слышать и видеть.

Т. Л. Клячко
Когда сходят лавины

И дальше авторы начинают объяснять нам, в чем будут состоять перемены в образовании, как мы будем справляться с лавиной (другой) информации, в которой мир уже почти захлебывается — так ее много. Хотя... авторы про это ничего не пишут, но вал информации на 90% бесполезен, и завтра он сменится следующим валом, о котором послезавтра никто и не вспомнит. Другое дело, что в этом потоке новостей трудно выловить нужное: мы изобретаем компьютеры, чтобы работать с массивами информации, а компьютер подключает нас к Мировой сети, и информации становится все больше и больше. Социологи проводят опросы, но в тот момент, когда мы узнаем результаты, течение времени уже смыло с таким трудом намытый золотой песок знания и... побежали, опять побежали...

И тут вспоминается Льюис Кэрролл с его бессмертным «Надо очень быстро бежать, чтобы оставаться на месте». А ведь Кэрролл написал «Алису в стране чудес» давным-давно. И там не только про это сказано. Сказано, что Королева меняет правила по ходу игры. Может, дело в том, что мир оказался именно в такой ситуации, когда правила меняются вместе с игрой? А казалось, что победа так близко, прогресс стремителен и неостановим. А победа вдруг обернулась поражением. Но, как заметил Наполеон, «победа, рассказанная со всеми подробностями, больше похожа на поражение».

Алан Гринспен, бывший глава Федеральной резервной системы США, пытается осмыслить перемены, к которым он сам приложил руку, назвал наше настоящее и ближайшее будущее «эрой турбулентности». Турбулентность можно проскочить, но иногда этот номер оказывается смертельным. То, что происходит, — это не просто быстрые изменения всюду и во всем, это *нарастание неопределенности*. Машина несется, набирая скорость, никому не видно, что за поворотом, и все более непонятно, куда ехать (или куда она едет).

Современную экономику называют экономикой, основанной на знании. М. Барбер, К. Доннелли и С. Ризви несколько раз упоминают про это, не задерживаясь на данном вопросе: экономика для них — только фон, на котором и из-за которого меняется сфера образования. Но возникает вопрос: если экономика основана на знании, то почему она несется неведь куда, а мы, обладая этим знанием, не можем понять, что происходит? Или мы все же не обладаем достаточным знанием? Но тогда на чем же основана современная экономика?

Авторы эссе не задаются этим вопросом, они занимаются образованием и его изменениями в стремительно меняющемся мире. И описывают эти изменения. Увеличивается доля дистанционного образования: оказывается, совершенно не обязательно сидеть в аудитории и внимать профессору, чтобы получить нужную вам информацию. Можно залезть в Интернет и ее найти. Вот Майкл и его

жена, забыв, как звали братьев Карамазовых, не стали искать роман Достоевского, а ввели запрос в Google и быстренько получили необходимые им сведения, да еще и серьезные научные комментарии по данной книге. При этом как-то упускается из виду, что Майкл и его жена *знали* о том, что «Братьев Карамазовых» написал Достоевский. А кто расскажет об этом молодым людям, если они не заглянут в университетскую аудиторию? Можно, конечно, переложить все на школу — она будет традиционной и медленной, а вот классический университет изменится. Но кто, как и где будет учить школьных учителей? И почему юноши и девушки в 18 или 19 лет будут смиренно сидеть в школьном классе и слушать учителя, а не захотят «гуглить» в Интернете (они уже сейчас этого хотят и, главное, это делают!)? Вообще-то, до того как переходить к обсуждению перемен в высшей школе, стоило бы уделить хотя бы небольшое внимание школе обычной.

Та картина изменений, которую рисуют Майкл Барбер и его молодые коллеги, не кажется сколько-нибудь новой.

Можно легко представить себе, что молодой человек (юноша или девушка) поступает или просто приходит в университет после школы, беседует с профессором, получает список сайтов или порталов, куда надо обязательно зайти, список литературы, которую также можно, не выходя из дома, найти в Сети, перечень лекций, которые надо прослушать в той же Сети, — и уходит учиться. Ему даже не надо особенно искать информацию: все дали, обо всем предупредили. Если захочется, можно и самому поискать. Время от времени такой студент будет по Scire общаться с профессором (тьютором), писать и посылать ему эссе или контрольные работы, сдавать экзамены на компьютере и из компьютера же получит диплом — не составит проблем даже выдать его студенту «в торжественной обстановке» в режиме видеоконференции.

При этом можно работать учась и учиться работая. Будут меняться только компьютеры или планшеты, которыми пользуется студент, их тоже можно будет менять через Интернет. А потом можно поступить на работу, не выходя из дома, доучиваться и переучиваться, не отрываясь от привычного кресла и, наконец, выйти на пенсию — при этом в жизни мало что изменится.

Невозможно? Возможно! Жил и умер, не сходя с места у компьютера... Или в школу все же придется ходить? Только это и утешает.

В конце 1970-х годов мне довелось прочитать книгу Янкеловича и Янкеловича, которая называлась «Америка — интеллектуальная деревня»¹. Мне выдали ее в ИНИОНе для написания «Белой книги» — так назывались рефераты, которые шли в ЦК КПСС. Давали на сутки, потом она поступала в спецхран.

В этой книге все уже было описано. Америка, в которой исчезают города, все переселяются на природу, учатся и работают

¹ Я попыталась найти эту книгу сейчас — не удалось. Может, память подводит.

дома. С экологией все в порядке, заводы вынесены в Юго-Восточную Азию. Население США занято интеллектуальной деятельностью, и кроме нее в стране остались здравоохранение, образование, культура и сфера обслуживания. Про сельское хозяйство не помню, но в нем и сегодня заняты меньше 2% работающих.

Вот эти две картины — Майкла Барбера с коллегами и Янkelовичей — как-то совмещаются в моем восприятии в единое целое, замечательное, но неосуществимое, независимо от того, будут сходиться лавины или нет.

Проблемы и линии разлома лягут, как мне кажется, по-другому. Мир передохнул после 35 крайне сжатых, спрессованных лет: в эти годы уложились две мировые войны, глобальный, как сказали бы теперь, экономический кризис (Великая депрессия) и ядерные бомбардировки. После этого почти 70 лет — при всех потрясениях — до глобальных войн и равных им катаклизмов дело не доходило. Экономический кризис 2008 г., длящийся с переменным успехом до сих пор, стал тревожным звонком. Кризис лечат по старым рецептам, но в новой ситуации они уже не действуют (или действуют плохо). Причины другие, риски другие, и результат будет другой. Лавина уже идет, только многим кажется, что горный склон, с которого она, все ускоряясь, сползает, не имеет особого отношения к образованию. Имеет.

Развитой мир стареет и при этом делает все, чтобы его население жило долго. Но если долго, то денег на хорошую жизнь уже не будет хватать. На 15–20 лет пенсии можно было накопить. На 25–30 — нет. Пенсионные фонды — эта основа основ и гарант благосостояния в старости — порядком пострадали от экономического кризиса, и восстановить их уровень в обозримой перспективе не удастся. Следовательно, пожилые люди должны дольше работать. А молодые? Молодые должны дольше учиться. Не потому, что надо освоить больше знаний, умений и навыков (компетенций), а потому, что в трудовой жизни им места нет. Молодежная безработица растет. И молодежь Франции выходит на улицы, так как увеличение пенсионного возраста с 60 до 62 лет многих лишает надежды получить работу, пока они молоды.

«А при чем тут образование?» — спросите вы. Образование становится важнейшим демпфером, средством создать иллюзию, в том числе иллюзию занятости. И получается, что нужно учиться, учиться и еще раз учиться... И не дома, а в университете — общаться, дискутировать, ездить в летние лагеря и летние школы, писать эссе и заниматься научными исследованиями. Вроде это понятно. Но отсюда вытекает несколько следствий: три года бакалавриата — мало, треть идущих в магистратуру после окончания бакалавриата — мало, надо ее серьезно расширять, и мало идут в докторантуру (на Ph. D.). Нужны другие масштабы, разные уровни подготовки ученых, нужно увеличивать гранты на науку и занимать как можно больше пост-доков исследованиями. Надо придумывать разные научные и про-

фессиональные степени — только чтобы был повод пойти поучиться, получить степень, быть занятым, чувствовать себя полезным. Получается очень большая, хотя и немного странная, экономика, основанная на знании (или на приобщенных к образованию и науке).

Быстро растет доля расходов на образование в ВВП, и тем самым образование становится одной из важнейшей сфер жизнедеятельности современного общества.

В США в 2012 г. 82% возрастной когорты поступили в университеты, в Южной Корее — уже 96%, в Финляндии — 94%, в Дании — 80%, даже в Греции — 91% (в стране кризис, и для молодежи лучшее место в университете, а не в толпе протестующих). В России пока только 75%². И университеты справляются с этим феноменальным наплывом. Им есть чем гордиться.

Но налицо и издержки. Семьи создаются все позже, детей рождается все меньше. Да, есть развивающиеся страны, и за их счет еще можно решать демографические проблемы Старого Света и даже Нового, и все же затраты растут, а эффективность падает.

Таким образом, в настоящее время спасение от лавины, т. е. от судьбоносных перемен, даруют именно университеты — традиционные и новые.

В Китае пока в вузы идут только 22% возрастной когорты, но в его университетах уже учатся 29 млн студентов. Примерно полмиллиона китайцев поступают в европейские, американские и — совсем немного — в российские вузы. Университеты еще справляются с этим потоком, но он будет нарастать. И Китай начинает активно развивать фундаментальную науку: без нее такие объемы университетских выпусков просто «не освоить».

В Индии с ее быстрорастущим населением (по прогнозам, она скоро обгонит Китай) в университеты до сих пор поступают лишь 13% возрастной когорты, но «взрыв высшего образования» уже не за горами. А там и Латинская Америка потянется в университеты — Бразилия, Мексика, Аргентина.

В этих странах работы для молодежи тоже скоро не останется. И университеты в них начинают функционировать как социальные сейфы, вбирая в себя все больше и больше молодых людей: сначала тех, кому до 30, а потом и тех, кому за 30.

Долго ли сможет работать этот механизм? Да, собственно, до тех пор, пока мы верим, что образование — это благо для общества. Но закон перехода количества в качество еще никто не отменял. И надо помнить: количество далеко не всегда переходит в «хорошее» качество.

Первым это показал Иран более 30 лет назад. Иранский шах был большим поборником развития образования в своей стране. Он освобождал от службы в армии юношей, которые ехали в де-

² Мир в цифрах. М.: Олимп пресс, 2012.

ревню работать учителями, резко увеличил прием в университеты, особенно молодых людей из малообеспеченных семей. А потом экономика, которая еще не была основана на знании, не смогла обеспечить работой столько специалистов с высшим образованием. И шах сократил прием молодежи в вузы, что привело к бунту молодежи и поддержке ею аятоллы Хомейни. После этого шаху пришлось бежать из страны, а светское образование было резко сокращено и уступило место религиозному.

Год назад что-то подобное произошло в Египте. Экономический кризис сократил потребность в молодых специалистах, молодежь вышла на улицы, требуя перемен. Сегодня она снова требует перемен: в Египте религиозный реванш, видимо, не удался.

Мы усвоили, что высшее образование делает человека более активным и адаптивным. В условиях быстрых изменений это необходимо. Но повсеместное высшее образование повышает и требования к экономике, к ее способности воспринять его носителей. То, что молодые сами, дай им только свободу, создадут для себя рабочие места, — это один из мифов нашей эпохи. Один или два из десяти — да, создадут, но восемь будут просто претендовать на интересную (или просто чистую) работу. И не получив таковой, почувствуют себя обманутыми. И что страшно, таких будет становиться все больше до тех пор, пока экономика, непонятно на чем основанная, не пойдет в рост. А если не пойдет? Вот тогда на нас двинутся лавины молодежных бунтов, обманутое поколение выйдет на улицы: «Я нашел свое место в жизни, теперь я хочу получить его до пенсии».

Так они и сойдутся (уже практически сошлись), эти две проблемы: старшее поколение, работавшее всю жизнь, искренне считает, что заслужило хорошую пенсию, чтобы спокойно дожить до конца своих дней, а младшее, образованное и активное, требует работы и достойной жизни здесь и сейчас. Решить их по отдельности не удастся. Повышая пенсионный возраст, мы одновременно должны увеличивать сроки обучения молодежи: экономика-то не резиновая, чтобы дать всем работу, особенно если мы требуем от нее эффективности. Но, обеспечивая всем (или почти всем) возможность получить высшее образование, мы увеличиваем требования и ожидания, тем более что молодежь, учась, откладывает в долгий ящик повышение своего материального благосостояния. Давая пожилым, мы отбираем у молодых, одновременно превращая их в иждивенцев либо родителей, либо государства (гарантированные государством льготные образовательные кредиты, стипендии, гранты и т. п.). Видимо, постепенно получилось так, что общий баланс в экономике, прежде всего в экономике развитых стран, стал отрицательным, экономика остановилась (кризис) и, несмотря на все усилия, заводиться пока не спешит. А без нее — основана она на знании или на чем-то другом — не удастся найти другую модель образования, особенно высшего.

Так что, как сказано в одной хорошей книге, нам остается только ждать и надеяться, да еще делать хорошо свое дело, и будь что будет.

Читая эссе сэра Барбера и его коллег, я вспоминал свои встречи с авторами проектов программ развития российских вузов: и с командами из вузов — претендентов на получение того или иного статуса или гранта, и с кандидатами на пост ректора. К сожалению, в подавляющем большинстве программ звучали идеи лишь об улучшении существующего положения дел (повысить, расширить, углубить и т. д.). Реально они охватывали горизонт ближайших нескольких лет. Программ, опрокинутых из видения будущего, практически не существует, при этом авторы нередко переписывают друг у друга декларации про миссию университета. На вопросы — какие научные и образовательные организации и на какой площадке конкурируют с вами за ресурсы (государственные, бизнеса и физических лиц) в регионе, в России и в мире? Каковы ваши настоящие преимущества в этой конкуренции? Что планируется сделать, чтобы усилить настоящие и вырастить новые преимущества? — чаще всего конкретных ответов не было. В подавляющем большинстве случаев говорили о славной истории данного вуза и количестве заслуженных ученых и профессоров.

Хотя в России уже сделано достаточно много шагов в направлении диверсификации высшего образования, многие документы по развитию высшей школы продолжают приниматься в презумпции существования единого решения проблем развития для всех вузов страны. Однако что хорошо для элитного московского университета, может оказаться плохим для слабого провинциального вуза — и наоборот. На мой взгляд, авторы эссе пошли принципиально другим путем. На основании серьезного анализа трендов, наблюдающихся в образовании в основном англосаксонского мира, они формулируют не общие решения, а общие вопросы, на которые должен дать ответы каждый конкретный университет, если он проектирует свое развитие не на уровне деклараций и локального улучшения существующего положения дел. При этом ответы на один и тот же вопрос у разных вузов могут быть разными. Например, авторы фиксируют, что сегодняшний и тем более завтрашний студент сильно отличается от устоявшегося в большинстве университетов стереотипа «типичного студента», и постановка вопроса о том, на какого студента ориентируется данный университет, мне представляется очень важной. Приведенные авторами примеры показывают, что единого «правильного» ответа не существует.

Всем университетам, набравшимся амбиций быть успешными в XXI в., я бы рекомендовал обсудить эссе М. Барбера, К. Доннелли и С. Ризви «Накануне схода лавины: высшее образование и грядущая революция» на методологических семинарах.

В. А. Болотов
Вопросы
общие —
ответ у каж-
дого свой

И. Д. Фрумин Расчленение университета

Каждый доклад, подготовленный под руководством Майкла Барбера, отличается тем, что, собирая вместе всем известные факты, он опирается на некоторый простой тезис, который все эти факты высвечивает по-новому — так, чтобы читатель увидел самое главное в, казалось бы, привычных феноменах. Впервые взявшись за тему высшего образования, Барбер не изменил себе и обнаружил в уже не новых новостях о массовости высшего образования, об онлайн-курсах, о работе студентов, о звездах-профессорах один общий вектор. Этот вектор состоит не в том, что традиционные университеты вступают в конкуренцию с нетрадиционными, а в том, что университетский опыт и университетская деятельность распадаются на составляющие и «новая конкуренция может разворачиваться не только на уровне учреждений в целом, но и на уровне каждой из названных составляющих».

Речь идет о том, что отдельные функции университета — присуждение ученых званий и степеней, предоставление учебных курсов и оценка полученных знаний и компетенций, создание студентам условий для получения практического опыта, проведение научных исследований и консультирование правительств — все больше и больше выполняются специализированными организациями *вне* университетов. Более того, эти организации часто вообще не сотрудничают с университетами, игнорируют их. Речь идет и о корпоративных обучающих программах, и об экзаменационных компаниях, и об отдельных государственных или частных исследовательских центрах, бизнес-инкубаторах и многих других игроках общества знаний.

Это обобщение проливает новый свет не только на нынешнюю ситуацию в высшем образовании, но и на его будущее. С этой точки зрения метафора лавины мне не кажется удачной. Я, скорее, использовал бы метафору расщепления, когда из одного ядра возникают другие элементы и множество разных частиц. Эту метафору можно было бы продолжить метафорой цепной реакции. Действительно, появление одной компании, принимающей экзамены, приводит к формированию целого рынка соответствующих услуг. Они предлагают свои услуги вузам и корпорациям, и постепенно эта функция начинает уходить из университетов. Хорошим примером может быть преподавание английского языка. Уже сегодня ВШЭ и МИСИС принимают результаты международных экзаменов по английскому языку, уже сегодня часть студентов сдает эти экзамены экстерном. Почему не представить себе, что через несколько лет не только экзамены, но и преподавание английского будут выведены на аутсорсинг?

Мне кажется, что эта линия рассуждений ставит перед отдельными университетами и системой высшего образования в целом совершенно новые вопросы. Должны ли университеты быть местом сборки отдельных функций, выполняемых внешними организациями? А может быть, они должны стать своего рода консорциумами или

кластерами, объединяющими такие организации? И наконец, в чем тогда смысл университета как места, в котором собираются молодежь и профессора? Или они туда скоро уже не будут приходить...

Если еще десять лет назад ведущие университеты конкурировали за лучших студентов и преподавателей по всему миру как самостоятельные игроки, то сегодня мы становимся свидетелями выхода на рынок крупных образовательных консорциумов и альянсов. Образовательный проект EdX, созданный давними конкурентами — Гарвардом, Массачусетским технологическим институтом и Беркли, — яркое тому подтверждение.

Это стало возможным благодаря буму новых образовательных технологий, которые М. Барбер, К. Доннелли и С. Ризви в своем эссе сравнивают с лавиной. «Лавина инноваций» с неизбежностью окажет влияние на сегодняшние университеты, поскольку новые образовательные технологии способны с большей эффективностью замещать традиционные функции университетов — трансляцию знаний, оценку результатов и управление учебным процессом.

Для российских университетов это вызов, который нужно рассматривать не столько как угрозу, сколько как возможность включиться в глобальное образовательное пространство за счет возможностей новой технологической платформы.

Недавно человечество шагнуло в новое тысячелетие. Теперь уже стало понятно, что этот переход ознаменовался не просто новым отсчетом календаря, а чем-то гораздо большим: мир в XXI в. радикально отличается от мира даже конца прошлого столетия. Эксперты доказали, что сейчас за год генерируется новой информации больше, чем за всю предшествующую историю человечества, включая самые последние годы. Технические знания устаревают каждые два года. Это означает, что, пока студент осваивает четырехлетнюю программу бакалавриата, его знания устареют дважды. О специальностях, наиболее востребованных на рынке труда сегодня, пять лет назад еще никто не знал. То есть университеты готовят студентов к работе, которая сегодня не известна никому.

Очевидно, что радикально изменившийся мир требует радикальных изменений и в университетском образовании. Накопленный, но еще не реализованный потенциал изменений М. Барбер с соавторами характеризуют как «канун схода лавины». Суть их утверждения проста: университетам, даже самым сильным и благополучным, скоро предстоят глубинные перемены. Для многих они окажутся весьма болезненными. Справедливости ради надо отметить, что изменения в университетской среде происходили всегда. Но они носили эволюционный, «линейный» характер. Сегодня же ситуация в системе высшего образования, выражаясь языком си-

А. Е. Волков
Образование вступило в новую фазу глобальной конкуренции

А. Х. Гильмутдинов
Из-под лавины на вершину

нергетики, подошла к точке бифуркации — моменту, после которого система развивается по принципиально иным траекториям. Авторы убедительно показывают, что происходит переосмысление самого понятия высшего образования и уже сегодня формируются конкретные альтернативы традиционному университетскому образованию.

Несомненно, попасть под сход лавины — не самая радужная перспектива. Но радикальное преобразование даст дополнительные шансы для реализации обновленных амбиций наших ведущих университетов. Те, кто грамотно пройдет точку образовательной бифуркации, найдут (по укороченным траекториям!) свое место в обновленной мировой элите университетов.

Данная статья продолжает серию публикаций М. Барбера и его коллег, посвященных развитию образовательных систем. Для работников системы школьного образования России и сегодня настольной остается статья М. Барбера и М. Муршед «Как добиться стабильно высокого качества обучения в школах. Уроки анализа лучших систем школьного образования мира», опубликованная в «Вопросах образования» несколько лет назад³. Как и в предыдущей публикации, в настоящей работе авторы не дают конкретных рецептов. Но глубокий анализ первичной информации, представленный в статье, позволяет всем участникам образовательного процесса — гражданам, университетскому сообществу, руководителям систем образования — сделать свои собственные выводы и разработать свои программы развития.

Ясно одно: стремительно меняющийся и становящийся глобальным мир, в котором конкуренция нарастает лавинообразно, будет предъявлять непрерывно растущие требования к подготовке кадров. Поэтому роль качественного профессионального образования будет постоянно повышаться. Вопрос только в его формах и локализациях.

М. Барбер с соавторами убедительно доказали: лавина сойдет, это вопрос ближайших лет. Но вершина останется. И ее займут те, кто правильно перестроится под новые вызовы необратимо изменившегося мира.

**Педро
Тейшейра**
Постоянство
и перемены
в высшем
образова-
нии

Безусловным достоинством эссе М. Барбера, К. Доннелли и С. Ризви является то, что оно заставляет задуматься: авторы осмысливают значительные тенденции в высшем образовании по всему миру и оценивают перспективы их влияния на образование как сектор экономики.

К важнейшим из происходящих в системе высшего образования изменений относится его глобальное распространение: массовый доступ к нему открывается даже в тех странах, где пару де-

³ Вопросы образования. 2008. № 3. С. 7–60.

сятислетий назад действовало лишь несколько элитарных вузов. Массовизация высшего образования в глобальном масштабе приводит к тому, что многие страны сталкиваются сегодня с теми трудностями, которые развитые страны переживали десятки лет назад, хотя и в совсем других экономических, социальных и технологических условиях. Во многих странах сейчас формируются системы массового высшего образования, тогда как в других странах эти системы уже отработаны (и часто имеется избыток академического и исследовательского потенциала, который может найти себе применение на мировом рынке). Те страны, которые сейчас создают общедоступные системы высшего образования, пользуются типичными преимуществами и сталкиваются с типичными трудностями всех опоздавших: они могут извлекать уроки из опыта предшественников, но вынуждены решать проблемы, которых те не знали.

Проблемы, обусловленные глобализацией массового высшего образования, авторы эссе соотносят с более общим процессом глобализации и интеграции знаний, материалов и человеческих ресурсов. Для стран со зрелой экономикой этот процесс означает возможность изучения неудовлетворенного спроса и раскрытия академического и научного потенциала, что может укрепить их традиционно лидирующие позиции в сферах обучения и исследований. Для развивающихся стран глобализация — это перспектива обновления систем повышения квалификации и производства знаний, а также надежда на позитивные сдвиги в их экономических и социальных системах.

Далее, глобальная экспансия высшего образования сопровождается обострением конкуренции между национальными системами высшего образования и вузами за лучших сотрудников, студентов и ресурсы, обеспечивающие успех. Конкуренцию подстегнул также ряд технологических разработок для сектора высшего образования: они сделали возможным состязание между вузами в мировом масштабе. Эти технологические разработки позволили некоторым вузам осуществлять стратегию повсеместного присутствия — либо отдельно, либо в составе союзов и партнерств с другими вузами. Как следствие, многие вузы теперь вынуждены конкурировать не только другими учебными заведениями на региональном или национальном уровне, но также с подразумеваемым или явным присутствием известных иностранных вузов.

Современные технологические разработки также представляют проблему для национальных правительств, поскольку размывают национальные границы в сфере высшего образования и ставят под сомнение эффективность традиционных инструментов регулирования. Отвечая на этот вызов, правительства некоторых государств сосредоточили все усилия на поддержке небольшого количества учебных заведений, которые они сочли потенциально конкурентоспособными в мировой гонке за талантами и престижем, основыв-

ваясь на рейтингах и международных сравнительных исследованиях. Однако тем самым они исключают из сферы государственного внимания большую часть расширяющейся системы образования. Многие исследователи образования и политики задаются сегодня вопросом: как правительства могут объединить эти две важные составляющие системы высшего образования — элитное образование, конкурентоспособное на мировом рынке, и массовое, ориентированное на региональный или национальный уровень, — в единое целое так, чтобы способствовать социальному, экономическому и культурному прогрессу страны?

Авторы эссе касаются многих из упомянутых проблем, но в итоге на первый план выходят изменения, происходящие в современном мире, а некоторые специфические особенности сектора высшего образования, способные существенно повлиять на темп и степень осуществления изменений, явно недооцениваются. Безусловно, некоторые из недавних технологических разработок, такие как курсы МООС, обладают значительным потенциалом изменения процесса обучения. И все-таки, если вспомнить давно известную форму дистанционного обучения, не есть ли это старое вино, налитое в новые мехи? Дистанционное обучение стало важной частью сектора высшего образования во многих странах, но едва ли пошатнуло положение большинства вузов, особенно ведущих. Да, курсы МООС дают возможность сократить затраты на образование, но и студенты, и работодатели по-прежнему склонны применять традиционные способы оценивания и ранжирования дипломов, вузов и выпускников. Таким образом, если МООС и могут представлять угрозу для вузов среднего уровня, вряд ли их распространение существенно изменит положение ведущих вузов в большинстве стран мира.

Маркетингизация, конечно, сильно повлияла на высшее образование, но это не значит, что государству больше не принадлежит ведущая роль в регулировании сектора, ведь оно по-прежнему определяет условия финансирования и трудоустройства, устанавливает и проводит в жизнь правила, по которым действуют экономические агенты (даже если эти правила работают на повышение роли конкуренции и рыночных принципов за счет создания квазирынков). Я полагаю, многие согласятся, что, хотя поощрение конкуренции в области высшего образования дает ряд важных преимуществ, для обеспечения стабильности ключевых ценностей определенная степень государственного регулирования совершенно необходима. Ведь сами вузы, решая актуальные задачи управления, не слишком-то озабочены тем, чтобы оценивать потенциальное влияние принимаемых решений на перспективы их долгосрочного устойчивого развития в академическом и экономическом плане.

Авторы эссе озабочены тем влиянием, которое оказывают сегодня на систему высшего образования глобальная конкуренция и маркетингизация, и критически настроены по отношению к рейтин-

гам вузов. Однако, какими бы упрощенными они часто ни были, рейтинги отвечают потребностям студентов, их родителей и работодателей, которые не могут делать выбор, не владея информацией о все более глобальном и конкурентном рынке.

В целом, по-моему, эссе М. Барбера, К. Доннелли и С. Ризви справляется с задачей побудить нас осмыслить важные тенденции, игнорировать которые было бы глупо. Однако авторы слишком сосредоточены на динамике изменений в высшем образовании, и в результате у читателей может возникнуть неверное представление о роли традиции, ценностей и постоянства в образовательной системе. Высшее образование, один из старейших и наиболее адаптивных институтов западного общества, сегодня сталкивается с новыми трудностями в мировом масштабе. Насколько успешно оно справится с новыми вызовами, зависит как от его способности меняться, так и от приверженности ключевым ценностям и задачам, которые будут и впредь определять значение высшего образования в стремительно меняющемся мире.

«...Самодовлеющий опыт,
Не изношенный частыми воспоминаниями».
Т. С. Элиот «Четыре квартета»

Хрупкий романтизм Майкла Барбера и его молодых коллег позволяет найти баланс между эсхатологическими пророчествами, алармизмом и убедительной эмпирикой. Тщательно подобранные и собранные воедино результаты исследований, которые цитируются в статье, нанизаны на жесткий стержень неопровержимой логики. Пестрая мозаика фактов, приводимых авторами, складывается в стереоскопическую картину системных изменений, которые происходят на наших глазах с университетами во всем мире.

Обсуждение кризиса университетов разворачивается уже более 20 лет. Накал дискуссии был зафиксирован в книге американского философа Билла Ридингса «Университет в руинах», вышедшей в 1996 г. У нас она была издана в 2010 г. Издательским домом НИУ ВШЭ. Вслед за автором все согласились, что идея университетов прошла большой исторический путь — от кантовской идеи разума через идею культуры в трактовке немецких идеалистов до нынешней идеи совершенства или качества. К концу XX в. университет оказался в руинах, поскольку ни одна из исторических идей не может служить вечным фундаментом его существования.

Во втором десятилетии XXI в. авторы эссе «Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция» призывают нас вернуться к осмыслению миссии университетов и ценности высшего образования в современном мире.

Авторы справедливо подчеркивают, что в условиях информационного бума образовательные ресурсы расширяются стреми-

И. В. Абанкина
Университеты в пространстве расширяющихся ресурсов: воображаемый кризис или кризис воображения

тельными темпами, обгоняя в динамике любые процессы. Более того, явно проявляется синергетический эффект: они расширяются в процессе их использования, оставляя в доступном информационном пространстве следы предыдущих решений, результаты предыдущих проектов, описания уже сделанных кейсов и их анализ. Сегодня в процесс диффузии инноваций вмешивается еще один ключевой фактор. Темп технологического обновления становится соизмеримым с ритмом инноваций в образовании. На предыдущем этапе «вбросы» новых содержаний в образовательные программы, основанные на новых предметных знаниях, «вбросы» новых методик преподавания могли базироваться на старых технологиях образования. Профессорство могло быть занятием на всю жизнь. А сегодня тот самый самодовлеющий опыт, о котором так образно писал Т. Элиот, выступает деструктором такой профессиональной позиции. И дело не в недержании жизненного опыта, а в новой роли прикладных компетенций и их востребованности в университетской парадигме. Цикл внедрения системной инновации в высшем образовании стал длиннее технологического цикла. Смена последних и заставила авторов эссе писать о грядущей революции в связке с проблемами высшего образования. Сопrotивление профессиональной среды делает этот процесс драматичным, все время провоцируя эффект «запаздывающих» инноваций, который становится ингибитором, а не катализатором нового качества.

Авторам удалось создать пространство диалога внутри эссе. Некоторые тезисы воспринимаются как бесспорные, с ними легко согласиться и принять точку зрения авторов. Некоторые утверждения заставляют перечитывать их несколько раз, прежде чем согласиться. А некоторые вызывают протест. Такая полемичность — несомненное достоинство эссе.

Пример того, что вызывает явный протест: довольно трудно разделить пафос, с которым авторы как об угрозе существующему миропорядку пишут о том, что в обозримой перспективе 29% людей с высшим образованием будут китайцами. Разве национальность людей с высшим образованием может вызывать беспокойство? Что это — слом толерантности, неготовность принять новые реалии, нагнетание воображаемых угроз? Удивление в этой ситуации, скорее, может вызвать как раз сходимость горизонтов жизненных перспектив. Пропорциональное представительство и в численности населения Земли, и в доле людей с высшим образованием, согласованность мотивации к образованию — вот что поражает в приведенных цифрах. Создается впечатление, что мы из борхесовского сада ветвящихся дорожек, геометрии Лобачевского или Римана вернулись в прозрачную прямую перспективу возрожденческих картин, где все линии обязательно сходятся, и эта точка видна любому, даже непрофессиональному, взгляду. Вспоминаются слова поэта Андрея Монастырского:

«Старость близко,
А я все поверить еще не готов,
Что нас выведет смерть
Из придуманных нами миров».

Наиболее дискуссионной представляется рецептурная часть эссе. Собственно, спорна возможность согласовать темпы схода лавины и бегства от нее. Эта возможность подчеркивает локальный характер лавины, хотя авторы пытаются доказать ее глобальность. Может быть, это слабость самой метафоры схода лавины? А может быть, в этом и заключена провокация, дающая импульс осмыслению новых трендов? В любом случае это пространство для размышлений, внутреннего диалога с авторами.

Что в условиях расширяющихся образовательных ресурсов становится ограниченным ресурсом? Ответ напрашивается сам собой: время. Время на освоение и оптимальные траектории достижения результата в пространстве открытых кодов доступа к сервисам и навигаторам, уже найденным решениям и препарированной информации. Но так ли это?

Закончить хочется словами из спектакля «Тени» португальского режиссера Рикарду Пайша, привезенного на Чеховский фестиваль в этом году:

- Время уходит...
- Дудки. Время остается, уходим мы.